

Юрий Ибрагимов:

«Общение людей между собой делает народ»

Юрию Измайловичу Ибрагимову больше 80-ти. С начала 60-х годов он живет в Гатчине. Более тридцати лет работал в ПИЯФе (тогда ЛИЯФ) — обслуживал реактор. Еще 18 лет — в Эрмитаже, обслуживал системы кондиционирования. Знает несколько иностранных языков (а когда-то был мурманским хулиганом). Более тридцати лет преподавал гатчинским мальчишкам самбо — они до сих пор с благодарностью его вспоминают. Талантливый художник — его портреты коллег-физиков стали основой для книги воспоминаний.

Галина Паламарчук:

— Юрий Измайлович, давайте вспомним 60-е, когда вы только приехали в Гатчину: каким вы помните город?

Юрий Ибрагимов:

— Мне очень трудно сказать, потому что Гатчина менялась, а вместе с ней и я. Я любил этот город тогда так же, как и сейчас. Наверное, я предполагал, что моя жизнь будет связана с Гатчиной до конца.

Уже тогда я пришел в восторг от того, что не стали в Гатчине строить большие дома, а сохранили те, что остались. Ведь каждый из таких домов имеет свою историю, и мы эту историю должны записать. В программе «ДОМашние истории» на телеканале ОРЕОЛ47 больше всех меня поразил Владислав Кислов, я бы хотел, чтобы меня ему представили. Мы с ним нашли бы общий язык, т.к. я долгое время работал, используя материалы по Шантيلي, и потому смотрю на Гатчину глазами Версаля — он как-то отразился в Гатчине. Я не жалею, что Павел I на 50 лет позднее стал отстраивать нашу Гатчину — он взял из Франции то, что уже никогда не испортит город, особенно парк и дворец — это жемчужина российского масштаба и мирового, может быть, тоже. Только надо работать с ней правильно. Гатчина ведь была построена как осенняя резиденция царей. Деревья сажали так, чтобы они хорошо и красиво желтели. И, конечно, надо очистить озеро — оно должно быть голубым. И как можно скорее пустить корабли.

Вот это мое ощущение Гатчины. Я — гатчинец до самой смерти. Люблю ее.

Галина Паламарчук:

— Вы приехали сюда, потому что стали работать в институте ядерной физики. Тогда город постепенно насыщался интеллектуальной, научной элитой. Тогда был построен большой жилой комплекс на Хохловом поле. В городе жили и работали люди, которые двигали науку вперед, были большие планы. Мне известно, что и вы были связаны с этими грандиозными планами. Как Вы оцениваете этот период своей жизни?

Юрий Ибрагимов:

— Наше поколение, которое пришло после войны, — было самое яркое и счастливое. У нас были такие ребята, которые, действительно, могли двигать науку. Сейчас они на кладбище — прошли годы, прошло много времени...

Сейчас я, пользуясь случаем, хочу пожелать здоровья людям, которых уважаю. Это прежде всего Кир Александрович Коноплёв. Он очень повлиял на мою судьбу, на всех нас, на работу. Я занимался эксплуатацией реактора. Мы были настроены на покорение вершин. То время, время победы над фашистами — оно вдохновляло нас. Сталин для меня самый великий человек, которого я знаю в России. Это так, это мое впечатление. Мы не думали о том, что надо за что-то бороться. Самое главное — воспитывать молодежь, чтобы она такой же сильной и мощной была, как мы тогда.

Галина Паламарчук:

— Припомните, пожалуйста, то время: какими мечтами вы жили? О чем вы размышляли? Ради чего работали?

Юрий Ибрагимов:

— У меня лично была цель — идти до конца, чтобы реактор работал. И это мы выполнили — маленький реактор заработал. Потом задумали делать большой реактор ПИК, мне пришлось работать с проектом ПИКа, думать, как он будет работать дальше. Но пока ПИК не получился. Но то, что мы сделали на маленьком реакторе — это большая работа.

Юрий Ибрагимов:

— Понимаете, не все зависит от ПИ-ЯФа. ПИЯФ мог исчезнуть вообще, но он остался, потому что Путин пришел к власти. И ПИЯФу сейчас надо подниматься. Надо поднимать на щит тех ребят, которые работали в 60-80-е: чтобы нынешние ребята их вспомнили, вспомнили, как они работали, и стали работать также, и тогда у них все получится! Потому что они много

ФОТО «ОРЕОЛТВ»

Тогда я рисовал портреты наших физиков и не только их. Для себя делал наброски. А потом, спустя годы, уже в нынешнее время, родилась такая идея написать книгу и о том времени и показать эти портреты 30-40-летней давности. Идея взбаламутила всех. Мы решили вспомнить наше время: каким бы смешным оно ни казалось, оно было красивым. Великое время, я считаю. Книга получилась интересной.

Галина Паламарчук:

— А некоторые считают, что 60-е и даже 80-е — это период застоя, когда...

Юрий Ибрагимов:

— Тшшш... Представьте себе такую «петрушку»: я видел то время, когда люди жили в землянках и постепенно переезжали из землянок в дома. Так что вы это бросьте. Это великие года: 60-е, 70-е, 80-е... до 90-х! Потом успокоились, уснули и перестали делать великую Россию. Сейчас нас обманывают. Те люди, которые хотят нажиться, они нас обманывают. А мы очень любили свое время и позорить его не позволяем! Это были великие годы!

Галина Паламарчук:

— А как бы Вы оценили нынешнее развитие ПИЯФ?

сделали, они не зря жили в Гатчине. Они создали такой интеллектуальный фонд, благодаря которому Гатчина сейчас смотрится по-другому.

Галина Паламарчук:

— Все годы, что вы работали в ЛИЯФе, вы тренировали самбистов в Гатчине. И я знаю некоторых ваших учеников, которые до сих пор с благодарностью вспоминают тот период и говорят, что вы не только учили этому виду спорта, но и повлияли на их жизнь, на их судьбу. Каким образом все это произошло? Как вы выбрали этот вид спорта? И кого вы тренировали: что это были за ребята?

Юрий Ибрагимов:

— Я был хулиганом в начале своего пути — настоящий мурманский хулиган.

Галина Паламарчук:

— А что значит «мурманский хулиган»?

Юрий Ибрагимов:

— Я оказался в Мурманске в 36-м году, а потом...

Галина Паламарчук:

— Там вы учились в школе...

Продолжение на стр. 16

И. Никульшин, А. Семёнов, Н. Захаров, Т. Смольский, Г. Потапенко, Ю. Ибрагимов (1980)

Юрий Ибрагимов:

Продолжение. Начало на стр. 9

Юрий Ибрагимов:

– Было так: у нас в шестом классе было 40 человек. В конце года подняли 14 человек и сказали: «Вы остаетесь на второй год». 14 человек из сорока! И среди этих четырнадцати был я.

Юрий Михайлович И. и Юрий Иванович Ф. (1980)

Была война. Город был такой, что там нельзя было не хулиганить – мы жили в землянках! А я очень быстро отбился от рук. Когда родители не могли держать ребенка в руках, он шел на улицу, а там шпана – у них свои законы. Тоже великие законы. И я все это видел. Поэтому я не хотел, чтобы люди жили так. И когда я влюбился в борьбу, как в девочку, я понял, что с ее помощью я могу изменить что-то. Я учил не хулиганить, я учил тому, что борьбу надо любить, и уважать друг друга. Это были такие правила.

У меня было все: работа шикарная, с изучением языков все сложилось, но борьба – это моя детская любовь. Ребята приходили ко мне, и

А.И. Алёхин

не надо было денег, мне достаточно было видеть их глаза и общаться с ними. Вообще главная мысль, которую я хотел бы передать: общение людей между собой делает народ. Я всю свою жизнь был в каком-то общении... Вот нас четверо было, мы вместе в школе учились, так мы с нашей учительницей по немецкому переписывались до конца. Она во многом повлияла на меня. Я был счастливый человек – меня всегда окружали люди.

И в Эрмитаже также. Когда я туда приехал, получилось так, что этот дух общения я принес туда – стали справлять дни рождения, женщинам стали писать стихи, песни писать стали.

А сейчас я один. Мне от этого плохо, потому что я привык жить с кем-то, постоянно общаться.

Галина Паламарчук:

– Расскажите про ваших ребят, которых вы обучали: почему они выбрали этот вид спорта?

Юрий Ибрагимов:

– Я не спрашивал их. Во-первых, тогда было очень мало секций и особо некуда было идти. А во-вторых, самбо – это самозащита без оружия. Они думали, что если будут заниматься самбо, то получат какую-то независимость. Я, кстати говоря, в свое время пошел в самбо по той же причине. И я не спрашивал, откуда ко мне пришел парень: работает, нравится, я вижу, что нравится – значит, я нужен. Одному хорошему парню сказал не приходите больше, потому что увидел, что он курит.

Галина Паламарчук:

– А он не бросил курить и не вернулся к вам?

Юрий Ибрагимов:

– А я сказал больше не приходите в секцию. Больше я с ним не встречался. Правда, он способный парень был.

У меня не было цели воспитать мастеров спорта. Самое главное – интерес. Во-первых, во время тренировок хорошо все разминаешь. А во-вторых, техника боя – бесконечная. Приходится больше всего изобретать самому.

Галина Паламарчук:

– Как вы думаете, нашему президенту – он тоже любит это вид борьбы – помогает эта любовь?

Юрий Ибрагимов:

– Да, он такой же, я чувствую. Он – фанат. Даже когда уйдет, все равно борьбу будет помнить.

Галина Паламарчук:

– Так ему помогает эта любовь достигать каких-то результатов?

Юрий Ибрагимов:

– Он не был бы Путиным, если не был бы борцом. Потому что борьба – это необходимость поддерживать себя в необходимой физической форме. А

сейчас у него Россия. Поэтому как к человеку я отношусь к нему с уважением.

Галина Паламарчук:

– Когда вы работали в Эрмитаже, почти 18 лет вы обслуживали системы кондиционирования, переводили инструкции по эксплуатации этих систем на русский язык. Эта привычка – держать себя – помогла вам освоить на тот момент довольно сложную работу?

Юрий Ибрагимов:

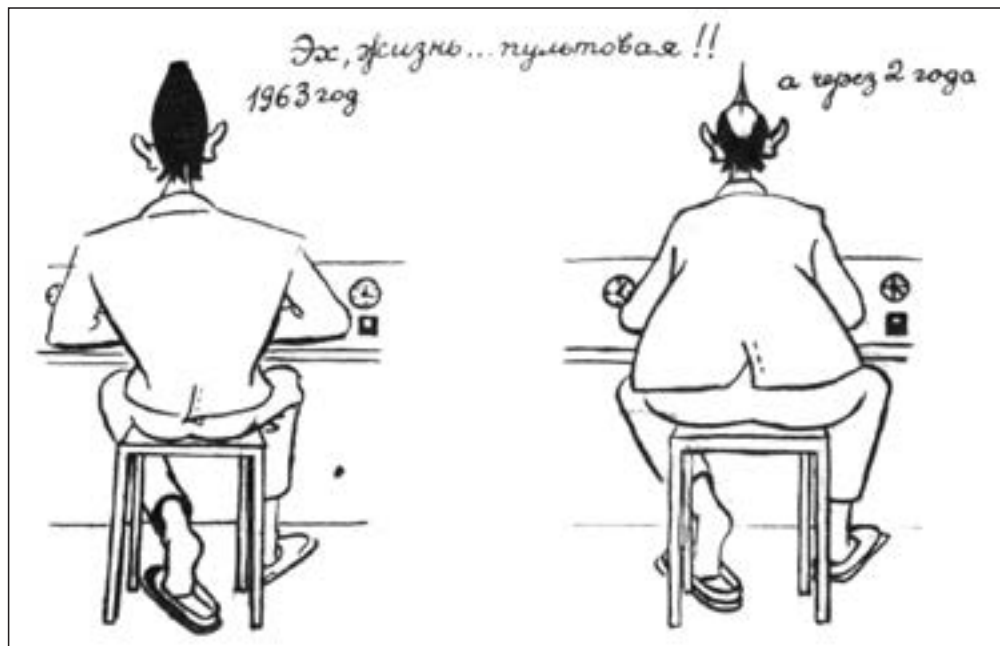
– Очень хитрый вопрос. Когда дело интересное, оно, как любимая женщина – ты любишь борьбу и за нее все отдашь. Так же произошло с языками. Вот, например, увидел я книжку на немецком языке «Квентин Дорвард» – приключенческий роман Вальтера Скотта; я схватил ее, потому что мне понравилась книжка, а она на немецком. Как прочесть? И я стал смотреть книги по немецкому языку для ВУЗов, для школьников – пятый, шестой, седьмой, восьмой классы. Я накопил этих книжек и начал их читать. Приспособился как-то, словарик сделал рукописный, если незнакомое слово – в карман. Так прочитал все эти книги: и пятый, и шестой, седьмой и восьмой, а следующей книгой стал «Квентин Дорвард».

В.С. Амбуладзе

пленок. Раз сто послушаешь и уже реагируешь на слова.

Сейчас гоняю свою четверочку языков. Правда, они мешают друг другу. Но, знаете, интересная штука память – кусок текста для французов, кусок текста для немцев. С последними у меня вообще такая хохма случилась: я думал, что забыл, но когда вернулся к немецким оригиналам – оказалось, что я все помню, со школьных времен все помню, все осталось. У меня есть два типа пленок: один типа словаря такого

Галина Паламарчук:

– И таким образом сколько языков Вы знаете?

Юрий Ибрагимов:

– Я учил в школе немецкий, параллельно пытался учить английский – его уже учил в институте. Я продолжал чтение адаптированной литературы, затем дошел до оригиналов. У меня было такое правило: беру книгу, листаю, если 10 слов я не знаю, значит, надо покупать и класть далеко; если я 10 слов знаю, то на последней странице два слова не буду знать точно. Так и читал, со словариками. Таким образом: английский, немецкий, французский.

Потом стал учиться читать ушами. Там своя техника: накопил дисков,

хитрого, а второй – текст. И вот я гоняю: каждый день по два часа обязательно.

Галина Паламарчук:

– Вам помогает это быть эдаким гражданином мира? Ведь язык отражает культуру народа.

Юрий Ибрагимов:

– Еще как отражает. Я очень много узнал. Потому что политика – это ложь, профессиональная ложь во всех отношениях. А язык отражает ситуацию. Я очень хорошо чувствую Россию – великая страна, но тяжело ей жить, потому что она холодная и голодная. Холодная, потому что у нас холодно. Голодная – потому что мы сами должны себе сажать хлеб. И са-

«Общение людей между собой делает народ»

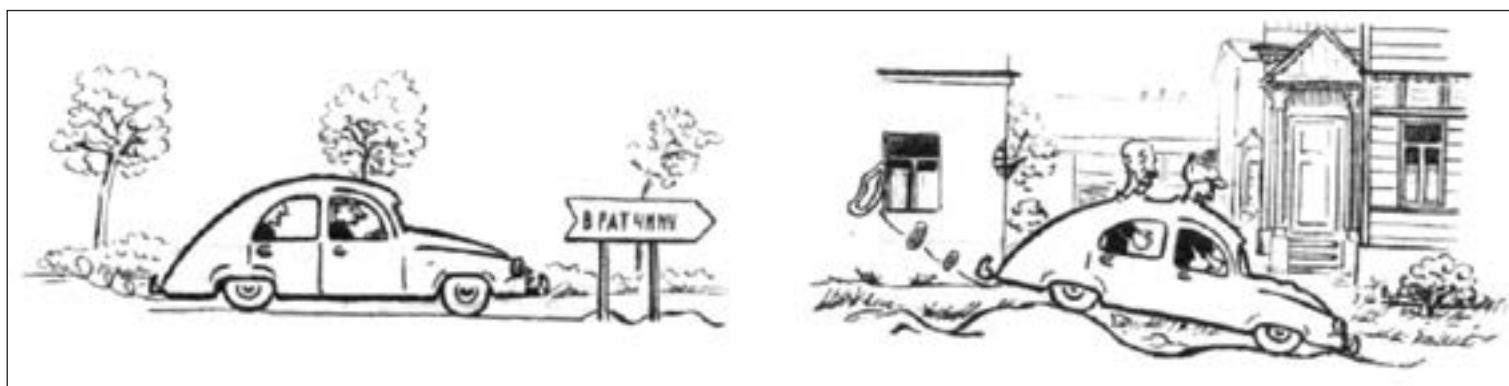
мое плохое, что у нас мало людей. Да, население у нас больше, например, в два раза, чем в Германии, но людей, которые будут сажать этот хлеб, мало – большинство удирают в столицы, чтобы не работать в полях. Мы плохо воспитываем людей. Если мы любили бы Россию – мы сами сажали бы себе хлеб. И мы были бы счастливы, потому что когда ты работаешь на земле, ты себя делаешь тружеником – ты не боишься жизни, не боишься ни холода, ни голода. И нужно обязательно жить в коллективе. Один в поле не воин: если фашист нападет – один против него не выстоишь. Потому мы обязаны любить друг друга, уважать друг друга. Обязаны иметь много детей, чего мы, к сожалению, не делаем. У моей матери было 13 братьев и сестер. И тогда многие крестьяне так жили. Сейчас что – два человека. А земля великая! Здесь можно научиться и жить, и сытым быть, и мороз никакой не страшен. И язык это все отражает. Т.е. я читаю Францию – понимаю Францию. Также и Германию. И всегда Россию ставлю рядом. Она приняла в себя многих: когда надо было остаться живому в Европе, а ты, хулиган, что-то натворил, то ты удираешь в Сибирь – там тебя никто не найдет. И так и было: отбросов обществ толкали в Россию, а они становились людьми здесь.

Галина Паламарчук:

– Про Европу сейчас тоже много разговоров ходит: умирающая матушка Европа...

Юрий Ибрагимов:

– Это оттого, что они не жили по-русски! Они не боролись с холодом! Наполеон, к примеру, пришел к нам и думал, что все захватит. А нет, его убил российский мороз! Потом то же самое с Гитлером. Он не прошел Мо-

Ох уж эти гатчинские дороги!

скову, потому что началась зима. А потом мы собрались и победили, потому что мы – русский народ, мы воспитаны Родиной.

Галина Паламарчук:

– Вы рассказывали про то, что ваша мама каждый день читала вам Шекспира.

Юрий Ибрагимов:

– Она сама крестьянка, потом работала на изготовлении ниток. Она не знала библиотеки, но она была очень талантлива и с детства любила читать. Потом она стала библиотекарем, и у нее это получалось.

Галина Паламарчук:

– Так почему Шекспир?

Юрий Ибрагимов:

– Трудно сказать прямо, но я попробую объяснить. Она читала по одному акту каждый день. У нее было полное собрание Шекспира на русском языке. И дело дошло до того, что сейчас у меня есть уникальное издание на английском языке, также полное – но оно лежит, руки пока не доходят прочитать. Вы бы прочли, это нечто. Я за то время все прощаю и Троцкому, и коммунистам – так и должно было быть. Потому что было другое время, другие люди,

и они поступали так, как надо было поступать в то время. И Сталин тоже. Поэтому Шекспир – это классика. Он как Библия. Шекспира переводили четыре раза. И он до сих пор популярен, потому что жизненная философия его произведений кажется настолько настоящей! Так что я с детства начитался. В школе попадало за то, что много знаю. Интересно получилось: на улице я хулиган, а дома читаю Золя.

Галина Паламарчук:

– А что бы Вы пожелали нынешним родителям? Они живут в 21-м веке, в другое время воспитывают своих детей. Что бы Вы им сказали: что им читать на ночь своим детям?

Юрий Ибрагимов:

– Это для меня очень трудный вопрос. Могу сказать только, что нельзя быть дома, нельзя быть дома с телевизором. Нужно обязательно быть в коллективе.

Галина Паламарчук:

– Как Вы считаете, интернет помогает людям общаться?

Юрий Ибрагимов:

– Интернет – дело сложное. К нему у меня отношение очень плохое, честно говоря. И я, как программист, считаю, что интернет может воспитать людей, которых можно будет без боя поработить. Потому американцы нам его и втюхивают. Все, что нужно найти, есть в книгах.

Галина Паламарчук:

– А что Вам сейчас интересно?

Юрий Ибрагимов:

– Я всю жизнь копил книги, но прочесть их не мог, поэтому Господь меня лишил ног – читай. И я читаю. Каждая книга для меня жизненный источник. Каждую книгу нужно перечитывать раз в 20 лет – совсем по-другому будешь читать. Но мне не осилить все, что у меня есть. Мне еще нужно прочитать Шекспира, большую книгу про женщин на немецком – немцы написали про женщин, а немцы зря не пишут. Потом, Оскар Уайльд. Его нельзя читать на каком-то другом языке – только на английском. Потому что это музыка, удовольствие от каждой фразы.

Есть у меня энциклопедическое издание про СССР: все по России, все по

мелочам расписано. Стоит у меня – читай!

Галина Паламарчук:

– А на русском языке каких авторов Вы любите читать?

Юрий Ибрагимов:

– Я не могу читать Достоевского, потому что он на руку наматывает нервы. Я не могу читать – я начинаю болеть. Тургенев: каждая фраза – это стихи. У каждого автора своя красота. Я раньше любил Лермонтова. Пушкин для меня – прозрачный ручей воды. Нет у меня к нему обожания. В разное время – разные предпочтения.

Юрий Щукин

Галина Паламарчук:

– Вы считаете себя счастливым человеком?

Юрий Ибрагимов:

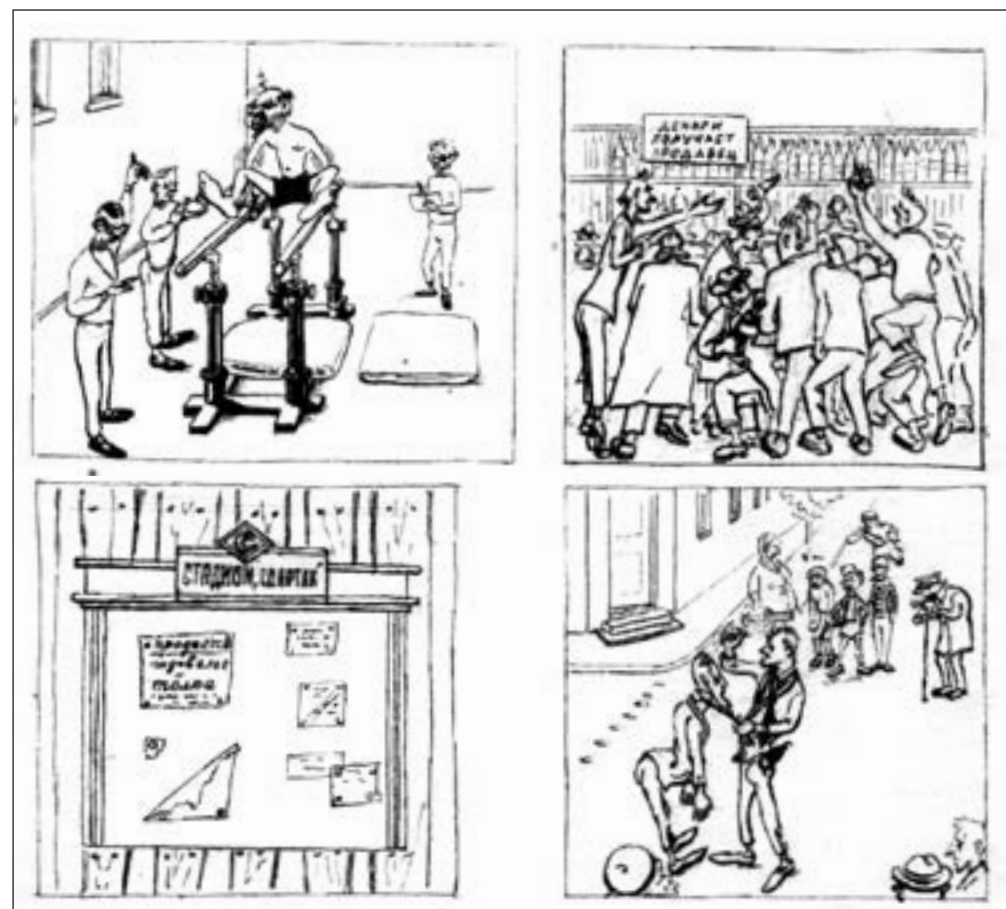
– Да. При всем том, что я потерял свою жену Галочку. Она такая певица была. Ее многие в Гатчине знали. И сейчас, мне кажется, что она вселилась в нашу дочь – дочь так же хорошо поет. Она ухаживает за мной.

Галина Паламарчук:

– Что Вы пожелаете людям, как им прожить интересную жизнь?

Юрий Ибрагимов:

– Все люди разные, каждому нужен свой рецепт. Но главное – уважение. Нужно уважать людей вокруг.

Гатчинский спорт